Надуев Иван

26.11.96.

ХУДОЖНИК ОТ СЛОВА «НАДО»

Синьор Датрино возвращает русскому искусству Ивана Надуева

Независимая газ. – 1996 – 26 ноя. – с. 7

Николай Малинин

Третьяковка

ПЕРЕД вернисажем искусствоведы смущенно перешептывались: «Кто такой Надуев»?

Обнаружив взаимную некомпетентность, одни досадливо кривились, другие глумливо ухмылялись.

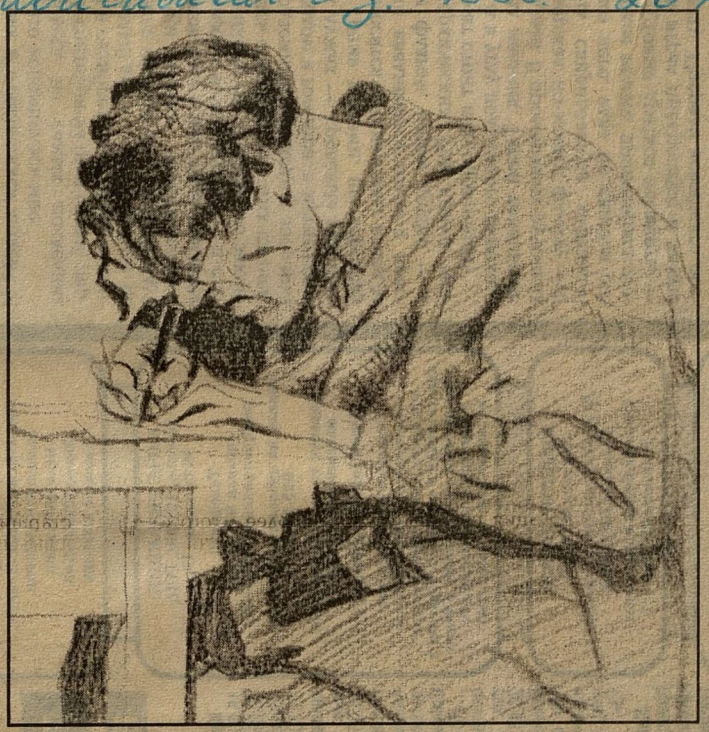
Выяснилось, что шесть лет назад картины Ивана Александровича Надуева увидал итальянский коллекционер Марко Датрино. Был так очарован, что скупил все на корню — непосредственно у наследников. Увез к себе в Торре-Канавезе, насладился сам, а теперь повез наслаждать мир. Уверенный, что в его руках «бриллиант, нуждающийся в оправе».

Брильянт не брильянт, но хризопраз — точно.

Биография художника поражает почти полным отсутствием «биографии». Родился в 1893-м, умер в 1965-м, страдал костным туберкулезом, с коллегами общался неохотно (Чистяков да Грабарь: вот и все контакты). Служил учителем рисования, чертежником, натурщиком. Десять лет провел в Краснодаре, но в космосе, как сам уверял, побывал еще до космонавтов. Писал стихи: *Все вижу вдохновенным глазом, / Все понимаю интуицией, экстазом.*

В это «всё» уместились пейзажи, карикатуры, вывески, реклама, военно-патриотические портреты. Произведений своих принципиально не датировал, чем, конечно, искушает. Тем более что в его творчестве отозвалось все, что было в современной ему живописи. Кондовый русский реализм, лунные ночи под Куинджи, тропики под Руссо, утробный символизм а-ля Мунк, атмосферно-мистические фантазии в духе Редона, декоративные прибамбасы Климта, легкая пластмассовая мондриановщина.

Но начав размечать даты, самоуверенный искусствовед обязательно ошибется. Потому что за веяниями Иван Александрович хронически не поспевал. Да, собственно, и не старался. Импрессионизмом увлекся в 1937-м, в кубисты-супрематисты вообще не попал. Но эти его «запаздывания» дарят порой странные откровения: очевидно антропософский «Портрет моей души» (закончен в середине 1920-х) неожиданно обнаруживает абсолютно коммунистическую сущность штейнерианства. Эдакая помесь Гетеанума с Дворцом Советов.



Иван Надуев. Пишущий за столом. 1920-е.

В деятельности я радость вижу, / Работу как насилие и рабство ненавижу. С этим славным девизом и просуществовал: в стороне от большого искусства, но с огнем, пылающим в груди. Ему повезло не оказаться неудачником — поскольку не имел претензий. Затворничеством — выиграл много: в прессе не глумились, коллеги не завидовали, потомки из-за наследства не попереубивались. Всего две выставки: в районных залах, да и то посмертные.

Вот такое вот художничество в чистом виде. Творю ибо творится. Это не хитрец Сэлинджер, который сначала напечатал кучу шедевров, а потом скрылся. Это не Рембо, поматросивший и бросивший, бабочка, смотавшаяся обратно в гусеницу. Это даже не Боннар, старательно избегавший выставок.

Это гораздо круче: пусть я засохну, как смола на соснах, но я не царь, я из другой семьи.

На выставке есть чему умилиться. «Комната, где родился художник»: такой «Добужинский» и в шестнадцать лет — это не хуже, чем «Тихий Дон» в 24; картинка метила в фирменный стиль (но не стала). «Городской сад»: удачно найденный формат («гулять в саду» — действие плоское и вытянутое). «Христос в Гефсиманском саду»: гротесковый масштаб в сочетании с классическим колоритом Ге—Крамского; Библия как science fiction. Уморительные карикатуры, в которых схвачено главное: тяготение масс к творчеству при полном отсутствии способностей к тому.

Чем он, в сущности, отличается от Репина?

Тот же размах тем (от Христа до Сталина, от демона до слесаря), те же формальные поиски, та же вовлеченность в официоз. То же трудолюбие, граничащее с графоманством, тот же позитивистский интерес ко всем сферам жизни (подобно Чернышевскому, Надуев составлял чудовищные списки книг по всем наукам, которые надобно прочесть).

Чем он хуже Репина? Только тем, что ему нет в Москве памятника.

Но если Марко Датрино будет так же грамотно творить свой промоушн (а он грозится показать коллекцию не только Европе, но и Японии), то через десять лет Надуев вполне «догонит» Репина — имея тот гандикап, что не набил оскомины потребителю. А уж порезвиться на тему «кто был ничем, проснись и пой, в коммуне остановка» — за нами не заржавеет.

История русского искусства перепишется еще не раз. Если Клевер будет так же хорошо идти на аукционах — беззаботные потомки легко примут его за Левитана; если синьор Датрино закатит Надуеву еще пару мировых турне — скоро в каждом лувре будут одобрительно чмокать: «О, Айвазофски! О, Шишкин! О, Надуефф!..»

Валеры, светотени, перспектива: экая скучища! Искусство актуализируется совсем другими вещами: политикой, деньгами, криминалом. Даже Вермеер не собрал бы такого аншлага, если бы не был адаптирован массовой культурой. Выпестовать гения из живого художника — это еще Щукин с Морозовым умели; а ты вот поди из умершего фигуру сделай.

Парадоксы репутации — вещь куда более интересная XX веку, нежели собственно творчество. Из чего ткется слава, откуда приходит забвение, какое отношение к популярности имеет судьба... Сегодняшняя история весьма отдает борхесовщиной. Не надули ли нас с Надуевым? Был ли, собственно, мальчик — если ни в каких известных анналах имя его не значится? Не говоря уж о том, что и среди его портретов почти нет реальных лиц. Столяр, актриса, жена. Медсестра, старик, обнаженная.

Да и фамилия такая, словно французский писатель ваял роман из «нашей жизни» и подбирал что-нибудь «очень русское», но без однофамильцев. «Надувательства» не расслышат, Адуева все равно не вспомнят.

Хотя вот Джереми Айронс тургеневского Ракитина поминает в последнем фильме Бертолуччи...